

«ПОСТИГАЯ ДОБРО». СОВРЕМЕННЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ В РОССИИ

И.А. МИХАЙЛОВ

Если кто-то желает получить представление о том, каковы актуальные проблемы современной этической науки, то ему непременно следует ознакомиться, по крайней мере, с двумя изданиями последних лет: сборником статей «О праве лгать» и коллективным трудом, возникшим на основе дискуссий сектора этики Института философии «Постигая добро» (М., 2013). Непосредственным поводом для написания данного текста стала последняя из книг, выход в свет которой был приурочен к юбилею Р.Г. Апресяна. Однако эти два издания образуют некоторое единство: последняя из книг продолжает дискуссии, начатые еще в 2008 г., в серии журнальных публикаций журнала «Логос», а затем в расширенном виде переизданные спустя три года.

Затрагиваемая в обоих изданиях проблематика – этическая. Публикации на эту тему появляются в эпоху, в которой отношение к самой этике было крайне неоднозначно. С одной стороны, если общественность и ожидает профессионального отклика от философии, то прежде всего – в сфере вопросов «этических». «Вот вы философ, – говорят, – так скажите нам...»¹ С другой же стороны, современное общество как будто совершенно разучается слушать советы и рекомендации. Требование инструкций и советов прекрасно совмещается с рефлекторным стремлением эти советы как можно скорее *не услышать*. Особенно потому, что моральный философ оказывается в патерналистской позиции когда он берется «за разъяснение того, зачем быть моральным»² тут же оказываясь в противоречии с обществом. Итак, есть некая «архетипическая память». Она подпитывается идеей равноправия абсолютно во всех сферах, в том числе и моральных суждений, требует наставлений. Но одновременно (опять-таки идея равноправия) эти рекомендации *не приемлет*.

Этике все чаще отказывают в праве быть *наукой*, поскольку в «соревновании за нормативность» современное общественное сознание далеко не всегда признает право на «оценочность» суждений тем или иным формам культуры (например, этике). Однако сама потребность в нормативности никуда не исчезает. Исследования моих коллег в области современной французской философии, а также американского прагматизма последних лет, подтверждают стремление сегодняшней философии преодолеть известный разрыв между теорией и практикой. Философия предлагает новые версии практически ориентированных

философий — в одном случае ею оказывается новая «философия жизни», в другом, разумеется, сам прагматизм. Ситуация отягощается ориентацией на утилитарное, «жизненно-конкретное», на нечто, что можно тут же использовать. Если еще в начале XX в. на этику возлагались особые надежды — Трёлч писал о ней как о «наиболее принципиальной» науке, возвышающейся над всеми другими³, — то уже спустя несколько десятилетий в сознании европейских ученых закрепляется идея, предложенная Максом Вебером — идея «ценностно-нейтрального исследования». Вот именно на этом поле работает современная этика. Разумеется, предложенная оценка ситуации — не единственная. Однако если мы примем *этот* «нарратив», нам станут понятнее несколько смысловых линий, проходящих через оба вышеуказанных сборника.

Первая линия связана с тем, какие задачи ставятся перед этикой и вообще философией. Для Р.Г. Апресяна этические вопросы совершенно естественным образом включены в *контекст*, определяющий интерес человека к ним. «Я достаточно знаю людей, считающих себя философами, у которых нет внятного понимания философии; я знаю некоторых, считающих себя специалистами в этике, у которых нет внятного понимания того, что такое мораль. Эти люди могут быть яркими авторами или лекторами, но я бы не назвал их профессионалами»⁴. Продолжая эту мысль, Апресян приводит довольно яркий и репрезентативный набор критериев, образующих своего рода «тест», по которому каждый может сверить собственное ощущение себя-как-профессионала с восприятием себя же в научном сообществе⁵. Итак, от понимания философии (и этики) зависит то, как мы будем решать частные вопросы.

Вторая линия заключается в постоянном присутствии вопроса об *универсальности* этического. Эта проблема возникает в различных контекстах и представлена в различных категориях. «Мораль не может не стремиться к абсолютности, иначе она рискует потерять всякую самостоятельность, отличие от других форм приспособления к действительности», — замечает один из авторов «Постижения добра»⁶. Однако, если мы говорим об «абсолютности», то одно из слов для обозначения некоей совокупности абсолютных положений — это *наука*, т.е. система «объективных», общеобязательных утверждений. Как совместить это убеждение с тут же возникающей опасностью индоктринации? Ведь место морали вполне может занять «исполнение наперед заданной программы, которое отличается от генетического программирования только тем, что направляется извне, а не изнутри»⁷. Как совместить требование научности с творческой позицией ученого⁸? Как, наконец, совместить подобное понимание этики с тем совершенно очевидным фактом, что этике необходимо сохранить связь с социальной реальностью, не допустить

замыкания на самой себе? Как увидеть мораль «в ее жизненности, т.е. в реальности человеческих взаимоотношений»⁹?

Итак, этические теории современности показывают, что существует совершенно очевидная взаимосвязь по крайней мере двух пластов проблем, причем каждое решение в одной сфере тут же «отзывается» в другой. Сферы эти часто представляют как противоположность «теории и практики». Каждый из авторов сборника пытается связать их по-своему. А.П. Скрипник помещает проблему в контекст дискуссии об этическом конструктивизме, надеется на использование идеи творчества и даже считает возможным возводить «потребности и способности к творчеству» к предельно фундаментальным биологическим обусловленностям живых организмов. Это предложение, а также возможные проблемы на этом пути, в частности, дефляция понятия творчества¹⁰, заслуживает отдельного обсуждения. Вполне возможно, что более перспективным направлением решения проблемы универсальности (объективности, абсолютности и т.п.) этического может оказаться не использование категорий развития, творчества и проч., а путь, в афористичной форме намеченный в характеристике Р.Г. Апресяна, использованной составителями сборника «Постигая добро»: «Стремление к пониманию, а не изобретению»¹¹. Интересная, и о многом говорящая формула! В противовес столь характерному для современности стремлению к оригинальности, важно *возвращение к наиболее простым, «элементарным» вопросам*, например: что значит «лгать»? Допустимо ли это, и в каких пределах? В каком сообществе? Как вообще этот вопрос связан с нашим выстраиванием социальности?

Разумеется, отмеченные проблемы универсальности при этом никуда не исчезают. Однако Апресян предлагает в связи с этим вполне определенное решение. Универсализация рождается в непосредственной коммуникации, она «происходит не за счет обращения к авторитету, а за счет выхода за рамки Я, за счет понимания Я в соотнесенности с Ты, за счет предпочтения некоего надличного блага благу наличному»¹². Кроме того, намечен путь конкретизации базовых понятий, неизменно фигурирующих в моральном дискурсе. Апресян говорит о «смысловой смеси», в которой зачастую выступают понятия «абсолютности» и «универсальности»: довольно часто эти понятия без должной проверки выступают как синонимичные, к тому же разясняясь через понятия «приоритетного», «идеального»¹³. «Наверное, я хотел бы в философском рассуждении о морали обойтись без термина “абсолютное”, имея в виду, что он нередко используется... для обозначения различных мыслительных и дискурсивных феноменов, иными словам, нестрого»¹⁴.

Разясняя коммуникативный подход в решении вопросов морали, Апресян советует помнить, что «Кант исходит из человека как атомар-

ного существа, предоставленного самому себе, референтного самому себе»¹⁵. К идее социальности, стоящей за этим высказыванием, мы еще вернемся. Что касается полемики с идеями Иммануила Канта, то она образует еще один важный спектр публикаций российского этического сообщества, столь же отчетливо связанный с проблемой универсальности. Еще в сборнике 2011 г., составляющем неразрывное целое с «Постижением добра», дискуссия отталкивалась именно от известной статьи И. Канта «О нмимом праве лгать из человеколюбия». Основные направления критики кантовской этики уже знакомы по двум последним столетиям европейской мысли. Известны также и имена наиболее знаменитых критиков: Г.В.Ф. Гегель, М. Шелер. Критика шла в следующих направлениях: «абстрактность», отделение идеи категорического императива от любых возможных *последствий* его применения¹⁶, и, наконец, — сама идея долга¹⁷. Продолжается эта тема и в «Постижении добра». Обсуждая проблему морального долженствования, Л.В. Максимов возвращает нас к рассмотрению проблемы универсальности этики с другой стороны. Если мы говорим о том, что мораль к чему-то обязывает или принуждает, то в чем природа этого долженствования? Каково действие *имперсонально*-морального требования? «Лишив на словах моральное долженствование психической плоти, отождествив его с требованием “закона” как конструкта “чистого разума”, Кант был вынужден искать способы соединения этой бесплотной императивности с реальными побудительными силами человеческого поведения» — таков один из выводов автора¹⁸. Отталкиваясь от известного определения долга в «Основах метафизики нравственности» («долг есть необходимость [совершения] поступка»), Максимов проводит совершенно естественное сопоставление того, как необходимость проявляется в природе и в человеческом мире. «В итоге получилась парадоксальная ситуация: законы природы в силу свойственной им необходимости не могут быть нарушены ни людьми, ни “вещами”, а нравственный закон, обладающий той же необходимостью, сплошь да рядом нарушается людьми», а «“абсолютная обязательность” нравственных предписаний оказывается философской фикцией, не способной принудительно воплотиться в человеческих деяниях»¹⁹. Вполне возможно, что определенная логика составителей заключалась в том, чтобы после статьи с описанием проблем, связанных с понятием морального долженствования, поместить материал, освещающий эволюционный подход к проблемам возникновения нравственности²⁰. Действительно, довольно часто такое решение напрашивается ввиду явных сложностей со многими традиционными понятиями (в частности — сознания). Мне кажется, однако, что даже если мы обнаружим аналоги чувств симпатии в мире животных, будет совсем не просто убедительно доказать, что именно от этих чувств ведет

свое происхождение нравственность человека. Мне кажется более перспективной тема ответственности, затрагиваемая в некоторых публикациях двух сборников²¹.

Уже публикации первого из сборников («О праве лгать») дают понять: помимо конкретного практического смысла, заключенного в тех или иных решениях о (не)правомерности лжи, в этих дискуссиях решается «быть или не быть» этической теории. С наибольшей отчетливостью это видно по статье А.А. Гусейнова, выступающего против того, что он называет релятивизацией этического. Одним из аргументов в этой полемике является недопустимость ссылок на *практические* обстоятельства для того, кто занимается этической теорией: либо «не лги» — основополагающая нравственная норма (и тогда она не допускает исключений), либо следует предложить *другую* теоретическую схему, разъясняющую, на каких основаниях и в каких случаях следует предпочитать один вариант другому²². Этот аргумент можно переформулировать следующим образом: возможна ли вообще этическая теория? Если да, то каковы ее принципы? Автор предлагает новый вариант «негативной этики». Ее центральным вопросом становится следующий вопрос: что я должен *не* делать? Если безусловность, абсолютность нравственного предписания «разменивается, размывается в условности его индивидуальных интерпретаций», то «безусловность, абсолютность, общезначимость морали не может получить действительного воплощения в адекватных позитивных поступках»²³. Между тем негативный поступок не только соответствует критерию моральной абсолютности, но и соответствует всем критериям морали как специфического института²⁴. Негативные поступки элементарны, иначе говоря, в оценке их моральной природы трудно обмануться. Наиболее полно они воплощаются в запрете на насилие и запрете на ложь.

Проблема того, что А.А. Гусейнов называет «релятивизмом», была обусловлена проблемой практического применения абстрактных правил, проблемой «конкретного гуманизма». Необходимо поэтому посмотреть, что понимает под этим его главный оппонент в этических дискуссиях последних лет.

Этическая концепция Р.Г. Апресяна

Дискуссии о (не)допустимости лжи указывают на *фактическое*: на конкретную «живую» тему, уже вызвавшую самый широкий резонанс в философских кругах. Посмотрим, что в концептуальном плане сделало такую дискуссию возможной. Определенному преодолению обозначенной выше противоположности между «теорией» и практикой способствует то, что Апресян называет в качестве своей этической концепции. Его интерес двигался от этики *ненасилия* (идея сделать эту тему одной из центральных восходит к 1988 г.). Со

временем концепция существенно изменилась. Интересы Апресяна в этике изначально определялись тематикой «золотого правила», а также моральными феноменами альтруизма, солидарности, благожелательности. Уже в этих темах заключалась возможность того, что Апресян называет «умопеременной» в своей позиции: «я увидел мораль как “единственную” мораль»²⁵, иначе говоря, на первый план для него выступило общечеловеческое в моральных нормах. Мораль была понята как форма утверждения общности людей, совокупность регулятивных механизмов, обеспечивающих должное поведение индивида; главная направленность морали — на единение людей. Этот подход позволил понять мораль как *неоднородный* феномен²⁶ — что, в свою очередь, очевидно, потребовало существенного «тематического обогащения» проблем, которые с того времени должны были входить в сферу внимания философа²⁷. В соответствии с «принципом неоднородности» морали какая-то одна идея (например, ненасилие) не могла считаться ее «квинтэссенцией», и довольно скоро работа в группе, исследующей проблему справедливой войны²⁸, позволила Апресяну конкретизировать принцип *талиона*: «я обнаружил, что получил формулу золотого правила, но в негативной версии»²⁹.

Полагаю, что именно «открытие нормативно-логической динамики»³⁰, подкрепленное призывом Рикёра «не отрывать золотое правило от того нормативного контекста, в котором оно артикулируется и декларируется»³¹, как раз и определило возможность появления дискуссии о праве лгать, инициатором которой Апресян выступил в 2008 г. Главная идея заключается в том, что в случае подобных абсолютных, не предполагающих, казалось бы, никаких исключений требований как «не убий», «не лги», все же возникает множество вопросов, например, в случае необходимости защиты слабых и невинных³². Здесь моральное требование является скорее принципом, чем правилом, *задачей*, требующей своего исполнения в конкретной ситуации³³. «Необходимы постоянные аналитические усилия для прояснения и уточнения того, что такое добро и зло»³⁴.

Проблема практического

Вопрос о теоретическом/практическом позволяет вывести вопрос о моральной (не)допустимости лжи также и в совершенно иную плоскость. Обсуждая проблему «абстрактности», которой, по мнению многих, страдает западная философия, Ганс Ленк приводит слова Альберта Швейцера, заявлявшего, что абстракция есть «смерть этики»³⁵. Этика должна быть воплощением «живой моральной жизни». В этом смысле «смертью» (конкретной гуманистичности) может оказываться обобщение, абстрагирование (возможно, также и *универсализация*) неких положений, безотносительных к своему конкретному воплощению. «He who generalizes gener-

ally lies» – генерализирующий обыкновенно врет, – приводит Ленк американскую сентенцию, ставшую популярной у немцев³⁶. Там, где требуется проявление «конкретной гуманности», недостаточно сослаться на всеобщие нормы и законы.

Имеет ли значение то, как мы подразделяем этический дискурс? Например, этику на «теоретическую» («нормативную») и «практическую»? или, наоборот, на «теоретическую» и «прикладную»? Каков бы ни был ответ, эта противоположность не представляется мне существенной *для трудов, представленных в этих двух сборниках*. Является ли дискуссия о праве лгать теоретическим или прикладным вопросом? Не лучше ли говорить об общих и частных вопросах морального дискурса? Когда в 1960 г. Гадамер предпринял очередную для немецкой культуры попытку определить специфику гуманитарного знания, в заключительных частях его «Истины и метода» речь шла о тех сферах деятельности духа, где противопоставление «теории» и «практики» в определенном смысле не является принципиальным. Гадамер указывал тогда на проблему интерпретации в сфере юридической и теологической герменевтики. Мы не можем говорить, например, будто существует некий абстрактный «закон», безразличный к любым, сколь угодно многообразным случаям его «применения»³⁷. Представляется, что именно с таким случаем мы имеем дело и в отношении «права лгать», главной темы сборников 2011 и 2013 гг. Здесь понимание требования Канта также не может быть разделено на понимание, с одной стороны, «теоретическое», «умственное» – и на вопрос практического следования этому правилу (если намекнуть еще на один пласт проблематики, связанный с творчеством позднего Витгенштейна). Примечательный факт: вопрос о лжи, ее допустимости или недопустимости очень многих участников дискуссии заставляет прибегать к собственному опыту. Обсуждение, казалось бы теоретической проблемы, неминуемо превращается в рассказ о том, как *сам* человек поступил бы в той или иной ситуации. Хотя это вполне предсказуемо (ввиду того, что обсуждаемая проблема как раз не является в чистом виде «теоретической»), возникает все же вопрос: какой адресат у всей этой дискуссии? Пытаются ли участники убедить *друг друга* в том, что «врать нельзя»? Или же они на этом примере желают сформулировать некоторые принципы *для других*? Для тех, кто участником этой дискуссии *не* является? В последнем случае очень многое в самой дискуссии становится довольно сомнительным. Во втором случае мы опять сталкиваемся с проблемой «патерналистской позиции».

Мне кажется также, что эта проблематика, обсуждение которой было инициировано Р.Г. Апресяном, не только открывает новые возможности при обсуждении вопроса о соотношении «теоретической» и «практической» этики³⁸, но позволяет иначе взглянуть и на *субъекта*, выносящего морально-оценочные суждения.

Ведь область этического занимает особую позицию – в том смысле, что далеко не все рассуждающие об этических вопросах воспринимаются в качестве морально адекватных субъектов такого рода рассуждений³⁹.

Я разделяю опасения А.А. Гусейнова: теория не может быть построена на совокупности неопределенных примеров (выдающих себя за принципы), которые могут быть «отменены» или сочтены недостаточно значимыми в зависимости от ситуации. Но, быть может, *все дело в конкретном облике этой теории?* В 2011 г. А.А. Гусейнов предлагает своим оппонентам: «...напишите свой этический “Альмагест”, и попробуйте составить каталог ситуаций нравственно допустимых отступлений, отклонений от нормы “Не лги”. И вы увидите, что это невозможно сделать. А если бы удалось составить такой каталог, то обнаружилось бы, что он никому не нужен»⁴⁰. При всей справедливости этих замечаний возникает, тем не менее, вопрос: действительно ли составление подобного *реестра* должно входить в задачи этической теории? И не происходит ли здесь «смещение» теории с «практическим»?

О.П. Зубец, наряду с А.А. Гусейновым, одна из сторонниц этического абсолютизма, считает, что отрицание абсолютизма и стремление «вписать человека в сложные причинно-следственные связи мира, дать ему возможность выбирать между многообразием ценностей», добавляя, что стремления эти отчасти связаны с редко замечаемым провалом философии, духовной катастрофой, случившейся в середине XX в.⁴¹ Полагаю, именно в этом и заключается причина держаться морального абсолютизма. Но тогда к данной позиции есть несколько замечаний.

1. Позиция сторонников «морального абсолютизма» мотивирована беспокойством в связи с процессами, происходящими в современной культуре; полагаю, это беспокойство разделяют также и те, кто в «моральном абсолютизме» сомневается. Отличает же эти две группы понимание того, *каким образом* культурные катастрофы современного человечества преодолеваются. Иначе говоря, речь идет о *методах*.

2. Моральный абсолютизм полагает, что когда разрушаются прежние основания представлений о человеке и обществе, то «самой “естественной” реакцией на открывшуюся человеку правду о нем самом» было бы как раз постулирование абсолютного в морали. С этим, в свою очередь, связан, по крайней мере, оптимизм двоякого рода: 2.1. Оптимизм философии (и, в частности, этики) в отношении своей собственной роли и своих возможностей по преодолению кризиса («катастрофы»): современная философия как бы забывает, что многие столетия гарантом устойчивости представлений «о человеке и обществе» на европейском континенте было христианство. Предотвратить трагедии XX в. оно оказалось не в силах. Современная этика (философия) оптимистично

полагает, что если будет настаивать на абсолютности, то ей это могло бы оказаться по плечу. 2.2. Безотносительно к тому, кто озвучивал бы идеалы абсолютности, современный этический абсолютизм полагает, что само по себе существование нравственного идеала является достаточным основанием для предотвращения катастроф. Мне уже приходилось обсуждать эту веру на примере этических воззрений Э. Гуссерля, убежденного, что новые идеи неизбежно *произведут* новых людей. К сожалению, ничто не подтверждает того, что этот процесс может быть устойчивым.

3. Этический абсолютизм – совершенно определенный ответ на кризис в отношении сознания и признания моральных норм. В качестве именно такой формы ответа он подпадает под критическое замечание, однажды озвученное Хайдеггером в отношении идеи абсолютности сознания: этот постулат Гуссерля был продиктован, прежде всего, «заботой о познанном познании», т.е. беспокойством по поводу устойчивости собственной теории, а не стремлением к познанию «самих вещей». Не имеем ли мы здесь дело с чем-то сходным? Не пытается ли этическая теория категоричностью своих постулатов компенсировать какие-то другие проблемы, заключенные в ней самой?

4. Поскольку мы говорим о различии в *методах*, можно указать по крайней мере на одну причину, по которой «моральный абсолютизм» будет неизменно обнаруживать большее число сторонников. В области морали кантианство предлагает простые и понятные решения. «Сильная» сторона кантовского этического абсолютизма, построенного по модели естествознания⁴² состоит в том, что для этического самоопределения человека она предлагает *формулу*. Однако, как и с любыми формулами, реестрами, каталогами – неизменно возникает вопрос о том, насколько адекватно они соответствуют возможным задачам этической теории.

Многообразие тем «Постижения добра»

Оба сборника представлены авторами, занимающими весьма различные философские позиции. Многие темы еще обратят на себя внимание читателя. Я же коснусь еще только двух публикаций. Роберт Холмс показывает, что связанное с войной насилие над человеком, *убийство* не может оправдываться такими распространенными и привычными формулами, как «справедливая война». Автор достаточно убедительно показывает, что «справедливые войны могут существовать, только если существуют несправедливые войны»⁴³. Выстраивая «онтологию войны», Холмс, однако, мыслит ее по модели «совместного предприятия»: «Если одна страна атакует другую и в результате начинается война, обычно говорят, что войну начала та страна, которая первой нанесла удар, послуживший началом войны...

Но, строго говоря, это неверно. Атакующая страна совершила агрессию. Но агрессия не есть война. Агрессия трансформируется в войну, только если страна, подвергшаяся агрессии, дает военный отпор. Парадоксально, но, строго говоря, именно вторая страна, а не первая, инициирует войну»⁴⁴. Данный тезис, обсуждение которого, к сожалению, выходит за рамки данного обзора, однако наилучшим образом показывает, что попытки решения некоторых проблем прикладной этики — если, конечно, их признать оправданными — неизбежно должны приводить к достаточно серьезным изменениям категориальной структуры наших этических и политических понятий в целом.

По некоторым материалам «Оправдания добра» можно увидеть, что влияние Р.Г. Апресяна на российские этические исследования действительно велико. Так, например, один из авторов готов принять на себя «роль импровизатора» и сыграть свою вариацию на «тему, предложенную мастером»⁴⁵. Хотелось бы все-таки, чтобы вклад любого исследователя не отменял необходимости самостоятельной проработки материала, известного по другим интерпретациям⁴⁶. Главная же философская идея этой статьи заключена, пожалуй, в следующей фразе: «Долг возлюбить ближнего, другого как себя — *опаснейшее моральное требование*. В нем другой подменяется его всеобщим содержанием, причем таким, которое заранее известно моральному субъекту»⁴⁷. Тищенко предлагает взамен: биоэтика должна начинаться «с *любви к дальнему*» (курсивы мои. — И. М.). К сожалению, несмотря на то, что любовь как моральный феномен входит в круг непосредственных научных интересов юбиляра⁴⁸, именно эта тема оказалась освещена в сборнике наиболее скупо. Поэтому трудно судить, не подменяется ли нечто такое как любовь, чувствами и представлениями, весьма от нее далекими. Предваряя изложение основных идей «биоэтики», П.Д. Тищенко говорит о важности «сохранить место встречи с самим собой как другим, чужим в своей непонятности»⁴⁹. Поскольку, в отличие от М. Бубера, П. Тищенко живет уже во всецело секуляризованном мире, примером «Другого», «Ты», для него может выступать *гусеница*. Комментируя нетерпение зрителей, следящих за навязанным видеороликом ползущей по веточке дерева гусенице, он предлагает, вслед за автором этого эксперимента, «не спешить, воздержаться, приостановить торопливую мысль, сохранить в своем опыте встречу с этой вот ползущей гусеницей»⁵⁰. Не знаю, на каком культурном опыте основывается автор, однако с достаточно давних пор насекомые и их личинки, змеи, черви, составляли как раз тот класс живых существ, эмпатия по отношению к которым была предельно затруднена (этот архетип до сих пор широко используется в современном кинематографе).

Однако эта статья многое проясняет в современной биоэтике. В частности, становится ясна связь между такими моральными конструктами как «человечество» и «гусеница». И то и другое выступает в качестве

морального символа, побуждающего человека переносить моральное чувство (чувство долга) с ближнего круга, на абстрактную идею, конструкт. Вообще блок статей именно по биоэтике создает особенно отчетливое впечатление, что слово «этика» в этом сочетании совершенно случайно. Так, А.А. Сычѳв говорит, например, о биоразнообразии как ценности. Однако в своем тексте не может удержаться от выражения «цена вопроса»⁵¹, стилистика которого отсылает к совершенно особому кругу «решения вопросов». Этика тут даже мимо не проходила: во всей статье «ценность» берется исключительно как экономическая категория⁵². Повторюсь: публикации сборника «Постигая добро» достаточно разнообразны как по представленным в них философским позициям, так и по тематическому охвату анализируемого материала. Я воспользовался возможностью сосредоточиться лишь на некоторых проблемах, затронутых авторами. Задача данной статьи заключалась в том, чтобы дать краткую аннотацию некоторых проблем, затрагиваемых в последних работах отчетливо сложившейся отечественной традиции этических исследований. Юбилейный сборник в честь профессора Р.Г. Апресяна дает хорошее представление о состоянии исследований в одной из важнейших областей философии — этике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Далее может следовать самый разнообразный перечень проблем — от допустимости эвтаназии до морально-этических вопросов, связанных с прерыванием беременности.

² Прокофьев А.В., Артемьева О.В. Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // *Постигая добро: сборник статей. К 60-летию Рубена Грантовича Апресяна.* — М., 2013. С. 63.

³ Цит. по: *Gogarten Fr. Politische Ethik. Versuch einer Grundlegung.* — Jena: Diederichs, 1932. S. 2.

⁴ Апресян Р.Г. Жизнь в профессии // *Постигая добро...* С. 19 — 20.

⁵ Там же. С. 22 — 23. Примечательно, что на прямой вопрос «Считаете ли Вы себя успешным профессионалом?» Р.Г. Апресян отвечает довольно сдержанно, причем использует более строгий критерий: «...мне известно немного случаев, когда к предложенному мною подходу прибегают в полемике с другими подходами или вступают в полемику с предложенным мной подходом».

⁶ Скрипник А.П. Нравственное творчество и поиск абсолютов // *Постигая добро...* С. 117.

⁷ Там же. С. 118.

⁸ Ср.: «Я отзывчив, избирательно отзывчив...» (*Апресян Р.Г. Жизнь в профессии...* // *Постигая добро...* С. 15. Речь идет, разумеется, об «отзывчивости» к идеям. — И. М.).

⁹ Прокофьев А.В., Артемьева О.В. Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // *Постигая добро...* С. 45.

¹⁰ Наряду с «нравственным творчеством», А.П. Скрипник говорит также о «нравственном развитии» (*Скрипник А.П. Нравственное творчество и поиск абсолютов // Постигая добро...* С. 131). Помимо того, что и эта категория довольно

проблематична, остается не ясным, насколько адекватно ее «алгоритмом» может выступать «гегелевское диалектическое отрицание или “снятие”» (там же).

¹¹ *Артёмьева О.В., Прокофьев А.В.* Предисловие // *Постигая добро...* С. 7.

¹² *Прокофьев А.В., Артёмьева О.В.* Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном... // *Постигая добро...* С. 71, 73.

¹³ Там же. С. 50, ср. с. 56.

¹⁴ Там же. С. 55.

¹⁵ Там же. С. 62.

¹⁶ Авторы публикаций, разумеется, затрагивают также и эту особенность этической концепции Канта – «выполнять обязанности и не думать о последствиях» (в частности: *Артёмьева О.В.* Об оправданности лжи из человеколюбия // *О праве лгать / отв. ред. Р.Г. Апресян.* – М.: РОССПЭН, 2011. С. 49, 48, 50; *Гаджикурбанова П.А.* Обязанность правдивости в этике И. Канта // *Постигая добро...* С. 225, 229).

¹⁷ Одним из наиболее ярких критиков здесь был, по всей видимости, М. Шелер, который в полемике с «этосом долга» кантианства заявлял, что предлагаемое Кантом долженствование *не* основано на ясном и отчетливом чувстве ценности воления и действия. Выступая как «внутренний слепой повелеватель» или «командир», представление «Долга» овладевает человеком, скорее, когда «нравственное, ориентированное на очевидность (Einsicht) размышление как бы *блекнет*, оказывается *недостаточным* для разрешения слишком сложной ситуации или для уклонения от ситуации, чреватой слишком далеко идущими и тяжелыми последствиям» (*Scheler M.* Der Formalismus in der Ethik und die materiale Wertethik (II) // *Jahrbuch für Philosophie und phänomenologische Forschung.* 1916. Bd. 2. S. 52 – 53; ср. также: S. 45).

¹⁸ *Максимов Л.В.* О природе морального долженствования // *Постигая добро...* С. 140.

¹⁹ Там же. С. 143.

²⁰ См.: *Разин А.В.* Социальные и биологические основания нравственности // *Постигая добро...* С. 145 – 159. (Эта проблематика отчасти продолжена в работе: *Сычев А.А.* Этические измерения биоразнообразия // *Постигая добро...* С. 385 – 401.)

²¹ *Гаджикурбанова П.А.* Обязанность правдивости в этике И. Канта // *Постигая добро...* С. 229. Данная проблематика, опирающаяся, в основном, на идеи Г. Йонаса, является одной из наиболее широко обсуждаемых в современной западной этической литературе.

²² *Гусейнов А.А.* Что говорил Кант или почему невозможна ложь во благо // *О праве лгать.* С. 118.

²³ Гусейнов А.А. Что я должен не делать? // *Постигая добро...* С. 106.

²⁴ Там же. С. 107.

²⁵ *Прокофьев А.В., Артёмьева О.В.* Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // *Постигая добро...* С. 25.

²⁶ Там же. С. 27.

²⁷ Сам Апресян говорит об этих различных линиях как различных нормативно-этических программах: гедонизме, прагматизме, перфекционизме и альтруизме (см. там же. С. 30).

²⁸ Там же. С. 32 и сл.

²⁹ Там же. С. 34.

³⁰ Там же. С. 35.

³¹ Там же. С. 34.

³² Там же. С. 51 – 52.

³³ Там же. С. 53.

³⁴ Там же.

³⁵ *Lenk H.* Einführung in die angewandte Ethik. Verantwortlichkeit und Gewissen. – Stuttgart; Berlin; Köln, 1997. S. 41.

³⁶ *Ibid.* S. 41.

³⁷ Одним из средств решения Гадамером указанной проблемы стало концептуальное разведение двух понятий: «применения» и «аппликации». Подробнее см.: *Гадамер Г.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. с нем. под ред. В.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. С. 365 и сл.

³⁸ Или, в ином варианте, «философской» и «нормативной». К обсуждению этого вопроса см.: *Бахитановский В.И.* Этапы жизненного пути идеи прикладной этики: от «ереси» до... // *Постигая добро...* С. 339 и сл.; *Прокофьев А.В., Артемьева О.В.* Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном // *Постигая добро...* С. 29. Что касается вопроса о «практической этике», то здесь Р.Г. Апресян скорее согласен с «устройством» современной этики, которая, в отличие от традиционной, ставившей вопрос и пытавшейся на него ответить, конституируется как знание, освобождающее себя от такого рода вопросов и ответов». Он считает, что «когда философ, исследующий мораль, претендует воздействовать на нравственную практику, он... примеряет на себя какую-то другую роль». (Последний тезис мотивирован, конечно, прежде всего вопросом о привлечении ученого в качестве *эксперта*. См. там же. С. 62; ср. также С. 73 – 74.) На мой взгляд, эта позиция связана с некоторыми затруднениями. Для иллюстрации одного из них приведу вопрос диспозиции специалиста-этика, осуществившего некий анализ – по отношению к моральной *практике*. «Означает ли это, – спрашивает А.А. Гусейнов, – что специалист по этике расписывает оптимальные способы поведения для различных вариантов подобно тому, как кулинарная книга предлагает рецепты различных блюд или книга по гимнастике – упражнения для различных мышц»? (*Гусейнов А.А.* Что говорил Кант или почему невозможна ложь во благо // *О праве лгать...* С. 118).

³⁹ Ср. некоторые из имен, упоминаемых в статье: *Бахитановский В.И.* Этапы жизненного пути идеи прикладной этики: от «ереси» до... // *Постигая добро...* С. 353. – Всякий ли человек может выступать в качестве эксперта по этическим вопросам? (Разумеется, при наличии должной образованности и знаний.) Если не каждый, то мы как раз и сталкиваемся с проблемой неразрывной связи между «теорией» и «практикой».

⁴⁰ *Гусейнов А.А.* Что говорил Кант или почему невозможна ложь во благо // *О праве лгать...* С. 119.

⁴¹ *Зубец О.П.* От дискуссии о лжи к молчанию о Холокосте // *Постигая добро...* С. 294 – 295.

⁴² *Гаджикурбанова П.А.* Обязанность правдивости в этике И. Канта // *Постигая добро...* С. 228.

⁴³ *Холмс Р.* Презумпция несправедности войны // *Постигая добро...* С. 319.

⁴⁴ Там же. С. 318.

⁴⁵ *Тищенко П.Д.* Strangers in the night: мораль, любовь и биоэтика // *Постигая добро...* С. 373.

⁴⁶ В этом случае автор мог бы заметить, что работы Хайдеггера не переводят на русский язык с английского (ср. С. 375, сноска № 1 – а если уж кто этим занимается, то доверять таким переводам не стоит), а роль «блюстителя места» Хабермас отводил традиционной *философии* (не философу). Возможно, автор оказался бы более аккуратным с квазифеноменологической терминологией (в частности, с «протофеноменологическим» эпохе. См. там же. С. 373 и сл.). Кстати, в случае текстов, совершенно прозрачных по своему смыслу, также совсем не обязательно ссылаться на интерпретацию Апресяна (там же. С. 384): вряд ли кто сомневался, что известный шлягер Синатры «Strangers in the night» – именно про любовь с первого взгляда.

⁴⁷ Там же. С. 382.

⁴⁸ Прокофьев А.В., Артемьева О.В. Беседа с Рубеном Грантовичем Апресяном... ; см. также: Тракаты о любви: сб. текстов / сост. О.П. Зубец. – М., 1994.

⁴⁹ Тищенко П.Д. Strangers in the night: мораль, любовь и биоэтика // Постигая добро... С. 374.

⁵⁰ Там же. С. 373.

⁵¹ Сычев А.А. Этические измерения биоразнообразия // Постигая добро... С. 390.

⁵² Ср. особенно. С. 394 – 395.

Аннотация

Традиция этической рефлексии не обязательно существует в виде «школы», представители которой разделяют «одни и те же» воззрения. Последний из сборников работ научного коллектива, складывавшегося в России на протяжении последних десятилетий, показывает, что она зачастую принимает форму дискуссионного сообщества, объединенного стремлением найти решение для наиболее острых задач, стоящих перед человеком. В статье анализируются некоторые из проблем, поставленные в этих дискуссиях: универсальности, абсолютности моральных норм и возможности их воплощения в практической жизни, честности и социальной ответственности философа.

Ключевые слова: этика, этический абсолютизм, универсальность, практическая и прикладная этика, И. Кант.

Summary

Tradition of ethical reflection does not necessarily represent itself as a «school», united by the «the same» philosophical positions. The recently published collection of essays shows it could be a discussion community, whose primary goal is to find solutions to the most acute problems that a human being is confronted with. The article analyses some of these problems posed in the discussions: universality of moral norms and various practical dimensions in which they are encountered.

Keywords: ethics, applied ethics, universality, absoluteness, Kant.